

НЕИЗВЕСТНЫЙ ВЕРЕЩАГИН

ЧАСТЬ IV. КУБИНСКИЕ САФАРИ

Закончив Филиппинскую серию картин, Василий Васильевич отправляется снова за океан. Теперь на Североамериканский континент в экзотическую Кубу...

БРОСОК ЧЕРЕЗ ОКЕАН

Путешествие начинается в Бремене с визита к известному немецкому критику Юджину Цабелю — автору обширной монографии (на русский язык не переводилась) о нем. В дружеской беседе художник рассказывает: весной 1898 года сорокалетний помощник министра военно-морских сил США Теодор Рузвельт из «золотой молодежи» и отчаянных сынов диких прерий сформировал добровольческий кавалерийский батальон «Буйные всадники». С этими парнями отправился покорять Кубу. Взятием Сен-Жуанских высот будущий президент личной отвагой добыл себе чин полковника, всеобщее признание героя войны и безграничную любовь женщин, единодушно признавших

его одним из храбрейших мужчин Америки. Вот об этих подвигах теперь уже действующего двадцать шестого президента США он и намеревается написать большое полотно.

Впечатлениями от недавнего путешествия в Восточную Азию художник делиться не стал, обмолвившись, что нашел там много немецкого: кораблей, банков, складов. Выглядел Верещагин, по мнению Цабеля, неважно. Сильно постарел, «выражение лица — утомленное, борода почти седая».

Из Бремена в Нью-Йорк путешественника доставил комфортабельный океанский лайнер «Кронпринц Вильгельм». В своей записной книжке Верещагин делает пометку о растущей экономической и военной мощи Германии, акцентируя внимание на выразительную подпись под портретом императора Вильгельма

в кают-компании корабля: «Наше будущее — в морских просторах»...

С собой известный живописец привез в США выставку из сорока четырех полотен, основу которой составляли двадцать картин «1812 год» и только что завершенная Филиппинская серия. Выставка открылась в конце декабря 1901 года в Чикаго и демонстрировалась там до конца января. В феврале переехала в Вашингтон. Лето 1902 года курсировала по городам США, а 13 и 26 ноября 1902 года завершилась аукционом в Нью-Йорке.

В ФИНАНСОВОЙ ЗАПАДНЕ

Приглашение от Чикагского института искусств организовать в США показ новых картин Верещагин получил еще в начале февраля 1900 года. Оно вызвало у художника сомнения и тревогу. «Многоуважаемый Алексей Николаевич, — пишет Верещагин военному министру А.Н. Куропаткину 24 января/5 февраля 1900 года. — Как умному человеку и хорошему патриоту показываю Вам письмо, 2-м пунктом которого мне предлагают 30 000 рублей (15 000 долларов) за 6-месячную выставку моих картин в Америке, а также предлагают правила для продажи там картин. Боюсь, до слез боюсь, что потому ни за какие деньги нельзя будет выцарапать оттуда назад мои полотна». На выставку художник все же решается, однако худшие опасения Василия Васильевича оправдались. Чикагская выставка имела неплохие результаты посещаемости и сулила хорошие деньги, но неожиданно, по невыясненным причинам, Верещагин оказался в невероятно сложном финансовом затруднении. Что именно произошло — можно только гадать, поскольку сам художник на этот счет никому ничего не сообщал. Скорее всего, Верещагин, недостаточно внимательно изучив текст контракта, стал жертвой ловких антрепренеров, присвоивших большую часть дохода. Некоторые исследователи считают, что ему отомстили мошенники, однажды нагрянувшие в номер с требованием иметь дело только с ними. Верещагин выгнал непрошенных визитеров взащей. Они-то и загнали художника в финансовую западню.

В конце концов, эту проблему удалось разрешить, но остались большие долги, которые следовало в кратчайшие сроки погасить. Это обстоятельство тяжелым гнетом давило художника и отравляло жизнь до конца пребывания в США, о чем он не раз жаловался в письмах жене.

ЗНАКОМСТВО С ПРЕЗИДЕНТОМ РУЗВЕЛЬТОМ

Открыв выставку в Нью-Йорке, Василий Васильевич, через российское посольство в Вашингтоне, обратился к президенту США с предложением написать картину о взятии Сен-Жуанских высот и просьбой о личной встрече для обсуждения художественной композиции. Хозяин Белого дома к этой идее отнесся благосклонно. «Пришло ко мне сейчас известие, — уведомляет жену Верещагин, — что президент (Рузвельт) будет рад помочь мне в писании картин, и если дело сделается, как я думаю и надеюсь, по-хорошему, то я съезжу в Вашингтон, потом в те места, где живут люди бывшие с Рузвельтом на войне, потом на Кубу, где напишу этюды, и потом приеду к тебе писать картину, которую к осени надобно будет кончить и прислать сюда...».

По прибытии в Вашингтон Верещагин встретился с Российским послом Артуром Павловичем Касини. Тот связался с помощником президента и получил известие, что Рузвельт готов принять русского художника в тот же день, в половине третьего. Встреча состоялась в Голубой гостиной Белого дома.

Предложение Верещагина написать картину о взятии полком «Буйные всадники» Сен-Жуанских высот очень заинтриговало Рузвельта. Об этом читатели «Новостей и биржевой газеты»

узнали из уст самого Верещагина: «Президент любезно обещал дать нужные сведения относительно всего того, что меня интересует, и, прежде всего, пригласил прийти в тот же день вечером поговорить об этом предмете. Он любезно сказал, что не столько за себя, сколько за свой полк *Rough Riders* (Буйные всадники) будет доволен, если я напишу картину, представляющую атаку Сен-Жуанских высот».

Следует подчеркнуть, что Теодор Рузвельт всегда гордился боевым опытом, приобретенным в американо-испанской войне, и, как истинный янки, не упустил благоприятного случая еще раз публично продемонстрировать эту гордость. Таким образом, вольно или нет, Верещагин задел самую отзывчивую струну в душе американского президента, за что и был вознагражден не только любезностью хозяина Белого дома, но и широкими полномочиями пребывания на закрытом для иностранцев мятежном острове. В середине февраля, получив от помощника президента все необходимые инструкции и рекомендации, Василий Васильевич отправился на Кубу.

КУБА, 1902

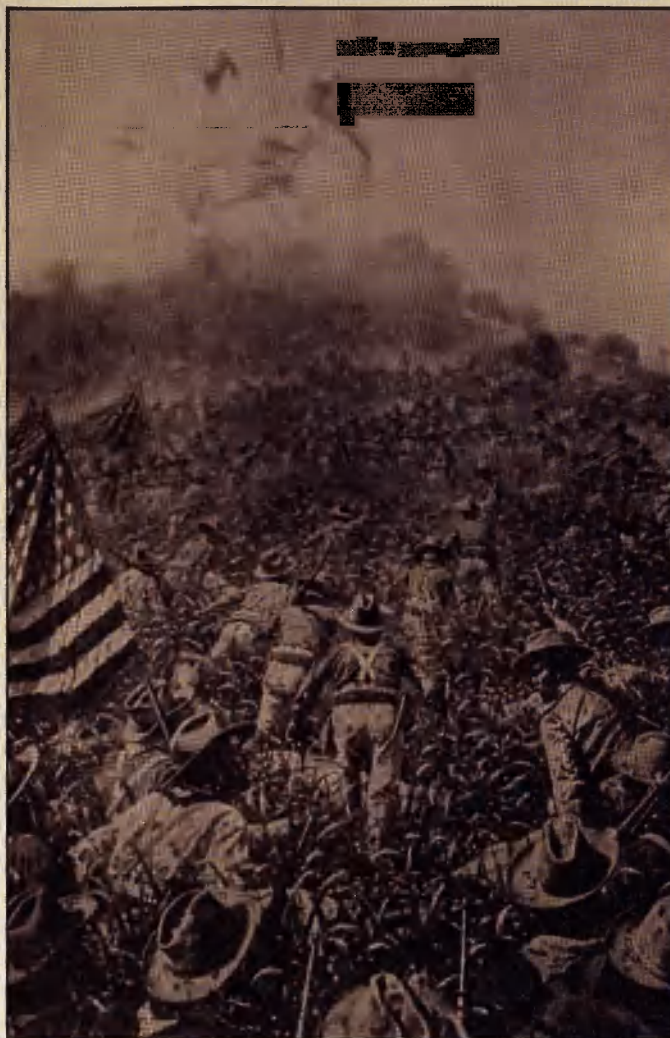
В обширной литературе, посвященной жизни и творчеству Верещагина, Куба обычно упоминается вскользь. Долгое время даже не было известно: сколько же раз посещал Верещагин Кубу, где побывал и с кем встречался. Во многом это объ-

Крепость Сант-Яго. 1902 г.

Взятие Рузвельтом Сен-Жуанских высот. Эскиз. 1902 г.

Взятие Рузвельтом Сен-Жуанских высот

ясняется скудостью документального материала об этих годах жизни художника. Но вот в майском номере «Огонька» за 1962 год появилась статья В. Владимирова и Л. Шура «Верещагин. Куба. 1902.», в которой авторы, тщательно изучив архивы Государственной Третьяковской галереи, несколько приоткрыли тайну. Оказалось, что в течение 1902 года живописец побывал на Кубе дважды: с конца февраля по апрель и потом в июле. Много времени провел в Гаване и во втором (после Гаваны) по величине городе Сантьяго. По всей видимости, объехал весь остров и хорошо его изучил. Утверждать так позволяют свидетельства его адвоката Г. Макдона, который сообщает, что «не в состоянии представить маршрут путешествия Верещагина по Кубе по его торопливым и коротким письмам из разных мест».

Правда, по-прежнему остается не выясненным кубинский круг общения Верещагина. Исследователям (см. статью в «Огоньке») удалось в этом плане не многое. В одном из писем они обнаружили, что «художнику отправлены рисунки испанской военной формы, сделанные неким Пеле Хересоми, и ему рекомендуется обратиться к Тутьерресу, живущему в Сантьяго, у которого сохранились образцы униформы испанских войск». В другом письме сообщается о пересылке Верещагину «нескольких рекомендательных писем к разным лицам, живущим в Сантьяго». Правда, в обоих письмах не указан отправитель.

Известно, что большой интерес к творчеству Верещагина проявлял лидер кубинского освободительного движения национальный герой Хосе Марти. Он погиб 19 мая 1895 года в одном из сражений с испанцами. Посетив в 1888 году первую нью-

йоркскую выставку художника, где наряду с кавказскими этюдами экспонировались знаменитые индийские полотна и серия картин о русско-турецкой войне, Хосе Марти в статье «Выставка картин русского художника Верещагина» с восторгом писал: «По напряжению, мощи, искренности и эпической широте мы узнаем в картинах Верещагина его родину». Вполне вероятно, что Василий Васильевич, не афишируя своих контактов, не упустил возможности пообщаться и с продолжателями дела кубинского «Апостола Независимости».

С Кубы Верещагин привез не только много этюдов для будущей картины, но и, что не менее важно, много наблюдений о жизни и общественных процессах, происходивших на острове. Правда, подчас необоснованно восторженных. Так, он неоднократно упоминает о благотворном влиянии пребывания американцев на острове: «Город Гавана никогда при испанском владычестве не был в таком цветущем состоянии: чистота на улицах, яркая зелень на площадях; помина нет о диких собаках и кошках, валявшихся по улицам и наполнявших их зловонием». Но Верещагин не бывал на Кубе во времена испанского владычества и, следовательно, видеть дохлых кошек и собак, издававших зловоние, не мог. Эта эйфория, скорее всего, обдуманное желание потрафить и президентским референтам, снабдивших живописца перед убитием на Кубу соответствующими пояснительными «историческими» справками, и самому Теодору Рузвельту, обласкавшему заокеанского гостя. Сказанное подтверждает такой, например, пассаж Верещагина: «В санитарном оздоровлении местности огромная заслуга американского администратора Кубы, врача по профессии, бригадного генерала Вуда, боль-

шого друга президента Рузвельта, вместе с ним стоявшего у истоков создания полка «Буйных всадников».

С читателями «Новостей и биржевой газеты» Василий Васильевич поделился своими мыслями о возможных путях развития Кубы. «Большинство республиканцев, — пишет он, — а также и часть демократов, все-таки выпустили из рук богатые острова с сожалением и ворчанием, отразившимися на медленности, с которой трактуется и обсуждается вопрос о славке кубинцам пошлин на их сахар, — меры, без которой Кубе грозит полное разорение... Соединенные Штаты ждут беспорядков в новой кубинской республике и не прочь снова, вмешавшись в дела острова, присоединить его. ...Гольтьба на Кубе, конечно, стоит за свободу и независимость во что бы то ни стало, но сумеет ли она провести их и направить правительство республики к твердости, неподкупности и нелицеприятности — покажет только будущее».

Будущее показало, что «гольтьба», под предводительством преданных идее свободы патриотов во главе с Фиделем Кастро, создала достойное для своих граждан государство, независимое от американского диктата, и пессимизм художника оказался не оправдан.

ВЗЯТИЕ РУЗВЕЛЬТОМ СЕН-ЖУАНСКИХ ВЫСОТ

Однако вернемся к задуманной картине. Возвратившись в апреле в Вашингтон, Верещагин поселяется недалеко от Белого дома по другую сторону реки Потомак на территории военного городка Форт Майер и активно включается в работу. «Завтра, — сообщает он жене, — пойду устраивать себе временное помещение для работы — высокий забор и навес. Надеюсь, осилю картину и еще несколько, хотя можешь представить, каково работать на людях, — кругом офицеры и даже семьи их».

При очередной встрече с американским президентом Верещагин рассказал ему о своих впечатлениях от поездки на Кубу, о задушевных беседах с участниками знаменитого штурма, с которых написал несколько этюдов, и своем намерении немедленно приступить к работе. Польщенный президент охотно согласился позировать художнику. В июне Верещагин подарил Теодору Рузвельту две небольших картины. Как предполагает Аркадий Куд-

ря (ЖЗЛ, «Верещагин»), одна из них — вид холма Сен-Жуан, а вторая — морской пейзаж с затопленным испанским кораблем. Рузвельт в ответ преподнес художнику недавно (1900) изданную в Нью-Йорке свою книгу «Буйные всадники».

При очередном посещении мастерской художника, осматривая грандиозное полотно (пять футов в ширину и девять в высоту), Рузвельт, как утверждала газета «New York World», нашел погрешности в изображении листового покрова на Сен-Жуанском холме, и Верещагин в июле вновь выехал на Кубу.

В РОССИЮ ИНКОГНИТО

Во всех литературных источниках прочно укрепилось мнение, что Верещагин не покидал США с момента своего приезда (декабрь 1901) до отъезда на родину (ноябрь 1902) после завершения в Нью-Йорке аукциона. Однако в рукописном фонде Государственной Третьяковской галереи А. Кудря обнаружил любопытный документ — уведомление Гамбургской паровой компании от 7 октября 1902 года, отправленное Верещагину в Москву. Вот его содержание: «Господину Верещагину по его письму зарезервировано место 2 в каюте 105 на пароходе «Августа Виктория», отправляющемся из Гамбурга 23 октября».

Внимательно просматривая эпистолярный архив художника за сентябрь-ноябрь 1902 года, я обратил внимание на два факта: отсутствие в этот период какой-либо корреспонденции от Верещагина и довольно странную переписку его супруги Лидии Васильевны с Владимиром Васильевичем Стасовым.

Так, в письме, отправленном, судя по штемпелю на конверте, 18 октября 1902 года В.В. Стасову, Лидия Васильевна пишет: «Вам, как любящему искусство и художников, небезынтересно, может быть, сделать известным нашему обществу адрес, присланный венскими художниками моему мужу (по случаю 60-летия), знаменательный особенно ввиду пренебрежения официального мира к его работам (обида на нежелание царского двора приобрести картины «1812год» — С.А.). Если Вы этот листок почему-либо не сочтете нужным огласить, то, пожалуйста, пришлите мне его обратно».

Примите уверение в моем уважении. Л. Верещагина».

«После морского боя. Затопленный испанский флот». 1902 г.

Мужская фигура в плаще, освещенная снизу. 1902 г.

В ответном письме (19 октября 1902 года) из Петербурга Владимир Васильевич уведомляет, что с удовольствием исполнит просьбу, но просит сообщить: где сейчас находится Василий Васильевич? Когда планирует вернуться в Россию? Думает ли устроить по возвращении выставку? Знает ли о «венском адресе» и не будет ли возражать против его публикации?

Ответ из Нижних Котлов последовал неделю спустя 25 октября 1902 года, когда уже Верещагин вторые сутки как плыл к берегам Америки. Вот его содержание: «Василий Васильевич в настоящее время находится в Америке, в Нью-Йорке, где устраивает сначала выставку, а затем продажу своих картин. Домой рассчитывает вернуться в начале этого декабря. Новых работ у него не много, так что вряд ли он выставит в России что-нибудь скоро. (Недавно появившееся в газетах известие, что Василий Васильевич привез из Китая, Маньчжурии и Кореи много новых этюдов и картин, — неверно. Василий Васильевич вот уже почти год живет в Америке...). Об адресе венских художников — знает и ничего не будет иметь против напечатания его».

В Нью-Йорк Верещагин, по-видимому, прибыл 8-9 ноября, остановившись в шикарной студии на Bryant Park, 13 ноября открыл выставку в галерее Астора, а 15 ноября, после долгого молчания, наконец, написал письмо Стасову: «Жена сообщает, что Вы хотели напечатать адрес, присланный Обществом венских художников, но затерялся перевод. Прилагаю оригинал: стоит, пожалуй, напечатания, потому что составлен в выражениях, вряд ли часто обращаемых к ху-

дожнику, да еще иностранному. ...Они упредили день моего шестидесятилетия на год (Верещагин родился 14 октября 1842 года — С.А.), и я ответил здесь же прилагаемым письмом. Тогда от них последовало еще письмо и затем несколько телеграмм...».

Итак, с достаточной долей уверенности можно считать, что большую часть октября Василий Васильевич провел в Нижних Котлах. Об этой поездке не знали ни вездесущие американские журналисты, ни даже самые близкие друзья в России. Чем вызвана столь тщательная конспиративность? Ближе всего к истине, вероятно, стоит объяснение, данное Александром Кудря: «Приехав в Россию, Василий Васильевич сделал последнюю отчаянную попытку с помощью высокопоставленных знакомых убедить царское правительство приобрести коллекцию картин о войне 1812 года и тем самым уберечь их от продажи на аукционе в Нью-Йорке». Это тем более убедительно, что Верещагин, как мы знаем, оказался в Америке в крайне тяжелой финансовой ситуации. Что даст предстоящий Нью-Йоркский аукцион, было неизвестно, а сроки возврата полученных ссуд неумолимо сокращались. Возможно, что были и более серьезные причины не афишировать свое появление в Нижних Котлах. Не зря же И.С. Тургенев, близко знавший Василия Васильевича, еще в октябре 1881 года в письме поэту Я.В. Полонскому отмечал, что Верещагин всегда «очень тщательно прячется». Нельзя отрицать и желание художника отметить свой юбилей не на берегах Потомака, а в кругу семьи, разлуку с которой он всегда тягостно переживал, и в привычной обстановке своей мастерской сосредоточиться на написании важного во всех отношениях полотна. Правда, для этого не требовалась столь тщательная конспирация.

Группа из трех американских солдат, смотрящих вдаль (набросок)

БОЛЬШАЯ РАСПРОДАЖА

Предварительный показ картин для журналистов состоялся 13 ноября 1902 года в галерее Астора фешенебельного отеля «Уолдорф Астория», но самого художника на вернисаже не было. Отсутствовала и картина «Взятие Рузвельтом Сен-Жуанских высот». Это вызвало сенсацию. Поползли слухи, что в студии Верещагина случилось что-то неладное. Не прояснил ситуацию и организатор аукциона господин О'Брайен. На настойчивые требования пишущей братии: «Что с Верещагиным?» он разводил руками: «Не представляю, что с ним случилось. Он был здесь около полудня и ушел очень сердитым...».

Вскоре посыльный принес записку от художника, извещавшего, что он болен и присутствовать на вернисаже не может. Журналисты устремились в Bryant Park, но узнали не многое. Служащий сказал, что в студии на прошлой неделе побывал

президент Рузвельт, «восхищенно созерцая картину». Верещагин в данный момент работает. Возможно, после посещения президента он что-то решил поправить в полотне. Администратор, которого «отловили» журналисты, сообщил, что не имеет никакой информации о своем знаменитом постояльце, поскольку тот занял студию всего четыре дня назад.

Такое развитие событий только накалило страсти предстоящего аукциона. О самом аукционе в статье «Продажа коллекции картин Верещагина в Нью-Йорке», опубликованной в двух декабрьских номерах «Московских ведомостей», рассказала известная американская журналистка и давний друг Верещагина Варвара Николаевна Мак-Гахан (урожденная Елагина). Наибольшую интригу, писала она, составляли полотно «Взятие Рузвельтом Сен-Жуанских высот» и серия картин «1812 год». Картину «Сен-Жуан», имеющую большую историческую ценность для американцев, «отвоевал» у соперников некий Дж. А. Брандер, выложивший за полотно 18 000 долларов (36 000 тогдашних рублей). К ней он «прикупил» полотна «Генерал Макартур со штабом в Калукане» (500 долларов) и «Битва при реке Сапоте» (120 долларов). Счастливым обладателем тут же заявил журналистам, что на выставках этих трех исторических картин он быстренько сколотит «кругленький капитал без особой затраты собственной энергии».

В целом, по сообщению Мак-Гахан, аукцион принес Верещагину 43070 долларов (около 87 тысяч рублей), но разочаровал

Жилище островитян. Этюд. 1901 г.

Солдат американской армии. 1901 г.

алчных аукционистов внезапным извещением о снятии с продаж наполеоновской серии «1812 год». Дело в том, что накануне последнего дня аукциона из Петербурга пришло сообщение о приобретении царским правительством всех двадцати картин за 100 000 рублей, для Русского музея имени Александра III. Известие пришло как нельзя кстати. Еще перед началом торгов журналисты обратили внимание на небольшую группу спекулянтов, внимательно изучавших и обсуждавших картины. Они договаривались искусственно сбить цены, с тем, чтобы после покупки шедевров с большой выгодой перепродать «тугим на подъем здешним дирекциям картинных галерей и музеев», а то и возвратить их в Старый Свет, например, тому же русскому правительству.

Для Верещагина это была отрадная новость. Теперь дорогие его сердцу картины «1812 год» навсегда останутся в России, а он, наконец, расплатившись с долгами, может свободно вздохнуть и отправиться домой, к семье.

В письме к Владимиру Васильевичу Стасову от 16 декабря 1902 года Лидия Васильевна радостно сообщала: «Василий Васильевич теперь на нашем юге (скорее всего в Одессе — С.А.) и скоро вернется домой. ... Из Америки было сообщено о близкой продаже картин в Нью-Йорке министру двора с вопросом, не желает ли он удержать некоторые, в ответ на что было уведомяно, что [...дело завершено] приобретением всей коллекции. Коллекция состоит из 20 картин. Заплачено за них 100 тысяч рублей из Кабинета [...]. Куда они назначаются, в точности неизвестно. Картины идут теперь сюда из Америки».

О проданных на аукционе филиппинских и кубинских картинах и, прежде всего, «Взятие Рузвельтом Сен-Жуанских высот» Верещагин, судя по всему, особо не жалел. Он не считал их большой творческой удачей (как полотно «1812 год»), да и цели их написания, как мы теперь знаем, были совсем другие. Одна из них — банальное желание заработать денег и вновь обрести свободу независимого творчества, чего он больше всего ценил в своей жизни...